

УДК 159.923.2

КУЛЬТУРА «ВЫСОКОГО РИСКА» КАК КОНТЕКСТ СУЩЕСТВОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО «Я»

К.В. Ануфриева

ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Современность создала формы жизни, оторвавшие нас от общеизвестных традиционных типов социального порядка и превосходящие большинство социальных изменений, характерных для прошлых эпох. В количественном отношении они привели к установлению способов социальной связи, охватывающих весь мир; в качественном отношении им удалось изменить наиболее интимные и глубоко личные характеристики нашего повседневного существования. Обладая потрясающей сокрушительной силой и беспрецедентным динамизмом, современность и ее глобализационные особенности ведут к далеко идущим изменениям в жизни.

Ключевые слова: современность, глобализация, общество риска, модернизация, рациональность, гиперреальность, символический обмен, текучая современность, коммуникативная рациональность, рефлексивная модернизация.

Феноменология гиперреальной современности

Современность можно охарактеризовать как многообразие способов организации социальной жизни, возникших в Европе с XVII столетия и впоследствии оказавших влияние на весь остальной мир. Мозаичная культура современности, родившаяся в период становления и развития информационного общества и глобализации различных сторон жизни планетарного сообщества, получает различную теоретическую трактовку в произведениях ведущих западных теоретиков. Ж.-Ф. Лиотар определил ее как культуру постмодерна, покончившего с глобальными метанарративными описаниями реалий истории. Характеристика современности как постмодерного состояния специфична для наследия таких крупных теоретиков как Ж. Деррида, М. Фуко, Ж. Бодрийяр, Д. Ваттимо, П. Слотердайк, З. Бауман и др. Э. Гидденс и У. Бек, напротив, по сути, описывая ту же мозаичную предметность современной культуры, полагают, что при всех произошедших трансформациях этот тип культуры следует называть «высокой модерностью», ибо культурные метаморфозы реализуются в нем на фоне сохранения и определенного видоизменения основных социальных институтов Нового времени. Подобно Ю. Хабермасу, они видят в культуре современности при всей ее радикальности прямое продолжение классической модерна и Просвещения.

Очевидно, что нынешняя фаза развития общества и культуры сохраняет институциональную преемственность с классической модерностью, но одновременно содержит в себе и нечто новое. Поэтому современность видится Гидденсу продолжающей в институциональном плане историю модерности, но радикализирующей ее черты, вводящей в новый контекст ранее сложившиеся институциональные формы. Сегодня общества располагают институтами и ресурсами, позволяющими организовывать социальное взаимодействие на широких диапазонах пространства и времени. Беспрецедентный социальный динамизм, присущий современности, действует как сокрушительная сила, превращающая ее в генератор социальных изменений, которыми невозможно управлять и последствия которой невозможно с точностью предсказать [12, р. 139]. Гидденс выделил три основных источника динамизма современности: дистанциацию/разделение пространства и времени, механизмы высвобождения и рефлексивное усвоение знания. Пространство и время становятся независимыми друг от друга, абстрактными и стандартными средствами измерения и сравнения вещей. Распространение социальных систем в пространстве и во времени обусловлено централизацией, развитыми практиками надзора и контроля, и эффективными системами транспорта и коммуникации. Глобализация включает в себя четыре измерения: мировую капиталистическую экономическую систему, систему национальных государств, мировой военный порядок и международное разделение труда. Процесс дистанциации пространства и времени создает предпосылки для развертывания процесса глобализации как нового, единого для всего мира качественного состояния, который ведет к интенсификации социальных отношений по всему миру, в результате чего локальные отношения и события формируются событиями, удаленными от них на значительные расстояния.

Механизмы высвобождения представлены абстрактными системами, позволяющими вычленять социальную деятельность из ее непосредственного контекста и организовывать социальные отношения по широкому диапазону пространства и времени. Для данных механизмов характерно создание символических знаковых систем – средств обмена, функционирующих безотносительно к специфическим характеристикам индивидов или групп, использующих их в конкретных обстоятельствах. Доверие к абстрактным системам основывается на вере в правильность принципов, в соответствии с которыми они построены и функционируют, и которые в тоже время нам неизвестны.

В эпоху модерности рефлексивность становится определяющей характеристикой человеческой деятельности. Если ранее рефлексивность была задействована в перетолковании традиций, норм и идеалов, то сегодня она «включается в самую основу воспроизводства системы, так что мысль и действие постоянно преломляются друг в друге» [3, с. 104]. Рефлексивность современности связана с подверженностью

большинства аспектов социальной деятельности постоянному пересмотру в сфере новой информации и знания. Она означает систематическое рефлексивное применение знания к условиям воспроизводства социальной системы, ведущее к изменению таковых. Только в современных обществах пересмотр конвенциональных соглашений, регулирующих человеческую деятельность, радикализуется так, что оказывается применимым ко всем аспектам человеческой жизни. Современность определяется посттрадиционным порядком, в котором надежность, ранее гарантируемая обычаем и традицией, вытесняется опорой на достоверное, рационально обоснованное знание. В тоже время современность институционализирует принцип радикального сомнения, утверждая, что любое знание гипотетично, т. е. может быть пересмотрено в свете новых идей и открытий, что позволяет назвать наличную современность эпохой глобального сомнения.

Бодрийяр, предлагающий радикально-постмодернистское истолкование разрыва с модерностью, обозначает современность как эпоху реализованной утопии состояния «после оргии» – взрывного момента освобождения, в результате которого люди и общество, события предельно высвободились от самих себя и теперь свободно парят в орбитальном сферообразном пространстве. Однако взрыв освобожденного сознания при снятии всех табу оказался парализующим для поиска дальнейших путей развития. Эффект завершенной высказанности всего приводит к своеобразной пустоте, ибо генерирует мысль о мозаичности настоящего, возможности лишь комбинаций уже известного, ведущей к пустоте раз и навсегда сбывшегося.

Современности, оберегающей себя посредством всевозможных экспертных техник безопасности, гарантии, сохранения, коррекции, предупреждения противостоит символический обмен – живое измерение социального. Концепция символического обмена позволяет Бодрийяру обосновать трехстадийное видение истории человеческой цивилизации. На первой стадии, включающей архаическое и феодальное общества, обменивался только прибавочный материальный продукт. На второй, капиталистической, обменивались товары промышленного производства. На третьей, современной, утверждается и господствует символический обмен, не предполагающий прямой обмен товаров. Бодрийяр подчеркивает отмирание социальных регуляторов человеческих отношений, заключая, что символический обмен разрушает прежние социальные связи посредством контроля со стороны кода сигнификации, направляемого, в свою очередь, СМИ. Символы, сконцентрированные в коде, становятся абсолютно индетерминированными по отношению к реалиям окружающего мира. Символический обмен приводит к утверждению «гиперреальности» и сам Бодрийяр называет эпоху постмодернизма эпохой гиперреальности, наделяя ее чувством утраты реальности. Современная реальность ликвидируется через избыток, переходя в со-

стояние гиперреальности – большого спектакля. «Массы – это те, кто ослеплен игрой символов и поработан стереотипами, это те, кто воспримет все, что угодно, лишь бы это оказалось зрелищным. Они отвечают на вопросы именно так, как от них требуется. Спектакль, воспринимаемый как полуспортивный-полуигровой дивертимент, в духе завораживающей и одновременно насмешливой старой комедии нравов» [2, с. 109]. Составляющими компонентами феномена гиперреальности выступают симулякры, репрезентации несуществующего в объективной реальности, при этом они являются и ее продуктами. Гиперреальность можно охарактеризовать как искусственно созданную, виртуальную реальность, обладающая «избытком» реальности, оказывающую на подлинную реальность разрушающее влияние. Соотнесенность вещей и знаков утрачена. Реальность производит, в то время как гиперреальность симулирует. «Это симуляция того, что никогда реально не существовало», «техническим безумием совершенного и сверхточного воспроизведения» (образов, звуков и пр.). Бесконечная репродукция, микродетализация объектов, превращение их в модельные серии – вот определение «реального» как гиперреальности. Здесь реальные объекты дереализуются и абсорбируются симулякрами...» [13, pp. 166–184].

Ж. Бодрийяр заключает, что сегодняшний поток информации уничтожает реальность, создавая огромное количество копий и симулякров, которые и формируют гиперреальность взамен реальности. Процесс подмены или наложения гиперреальности на реальность – этап преломления эпох (модерн/постмодерн) в сознании людей, подмены понятий «реальности». Превращение символов в гиперреальность, по Бодрийяру, осуществляется благодаря серии последовательных превращений символов:

1. символ отражает сущностную характеристику реальности;
2. символ маскирует и искажает сущность реальности;
3. символ уже скрывает отсутствие сущности реальности;
4. он перестает соотноситься с реальностью вообще, представляя лишь подобие или видимость чего-либо.

Все социальные группы в итоге преобразуются в «единую огромную симулируемую массу». «Революция нашего времени есть революция неопределенности», – заключает Бодрийяр. Её результатом является то, что индивиды становятся индифферентными относительно времени и пространства, политики и труда, культуры, секса и т. д. Ввиду виртуализации современного общества символы начинают играть значительную по своим масштабам роль. Возрастает количество симулякров четвёртого типа, т. е. чистой фикции. Люди формируют определённый образ себя, «имидж», чтобы предъявлять его окружающим в процессе общения, и в свою очередь, имеют дело с образами других. Основой дифференциации людей становятся потребляемые ими знаки. Социальная роль симулякров – «создавать замещение реальных предметов и

явлений там, где они недоступны или малодоступны человеческому восприятию. Компенсаторная функция символических универсумов защищает человека от “предельного ужаса” перед непонятным, огромным и враждебным в жизни общества» [5, с. 53]. Префикс «гипер» указывает на то, что для постмодернистской жизни характерно состояние постоянной сверхстимулированности. Желание – это уже не что-то, что испытывается периодически, а среда, в которой мы живем и осознаем себя.

Современным индивидам прекрасно знакомо чувство неудовлетворенности, питающее их жажду приключений, нежелание связывать себя чем бы то ни было, готовность изменить себя. Наше восприятие мира как образа приобрело эстетическое измерение: мы смотрим на мир глазами зрителя, наслаждаясь или поражаясь разворачивающимися событиями. По мнению Ю. Кристевой, наша имагинативная жизнь быстро разрушается под непрерывным воздействием новых технологий формирования образов. Газеты, телевидение и хроника событий держат нас в плену собственного освещения того, что происходит.

Социальность, детерминированная групповой принадлежностью, общностью интересов, заменяется сегодня «текучей», временной социальностью, выражающей стремление индивидов, не жертвуя своей автономией, преодолеть взаимную отчужденность на основе поиска общих событий и совместных чувств и устремлений в них. Определяющей чертой современности, с позиции З. Баумана, являются постоянные изменения, осознаваемые самим обществом. Это эра осознания собственной историчности, трактуемая как определенный тип мышления «производственного порядка», ассоциируемый с подавлением и эксклюзией Другого, выражающего хаос и несущий потенциальную угрозу стабильным и фиксированным границам современности. Таким образом, стремясь элиминировать хаос и амбивалентность, современность их постоянно воспроизводит.

Бауман различает современность первого и второго типа, построенные вокруг физических свойств тела: «твердая» и «жидкая» современности. Переход от одной к другой может описываться метафорой таяния главных социальных структур и практик, сформированных в период твердой современности. Текучее состояние современности фиксируется через физические свойства жидкостей, которые не замкнуты в пространстве, не связывают время и не сохраняют форму длительное время: «жидкости легко перемещаются... они текут, проливаются, иссякают, брызгают, переливаются, просачиваются, затопляют, распыляются, капают, выделяются; в отличие от твердых тел их не легко остановить – одни препятствия они обтекают, другие растворяют, и через третьи – просачиваются» [1, с. 8]. Прутья железной клетки веберовского капитализма расплавляются в результате еще большего стремления к рационализации и гибкости. Старая современность кажется «тяжелой» по сравнению с нынешней «легкой»; «твердой» по сравнению с «теку-

чей»; «плотной» по сравнению с «капиллярной» и «системной» в отличие от «сетевой». Плавка твёрдых тел приводит к прогрессивному освобождению экономики от традиционных связей с политическими, этическими и культурными условиями [1, с. 10]. В процессе плавления жесткой системы социальных институтов возникает «индивидуализированная, приватизированная версия современности, обремененная переплетением паттернов и ответственностью за неудачи, ложащейся на плечи отдельного человека» [1, с. 14].

Стабильные социетальные системы Парсонса заменяются постмодернистскими нестабильными симулякрами текучей действительности Баумана и Бодрийера. «Неместа» (пространства, лишённые символических выражений идентичности, отношений и истории) упрощают коммуникацию, сводя её к следованию немногим простым и понятным инструкциям, колонизируют жизненный мир человека. В результате на авансцену выходят новые типы организации человеческих сообществ, которые Бауман называет «гардеробными» или «карнавальными», порожденные новой экономикой зрелищ, где индивидуальные заботы не сплавляются и не смешиваются в «групповой интерес»: участие в совместной деятельности длится не дольше, чем возбуждение от просмотренного спектакля [1, с. 215–216]. Социальность, детерминированная групповой принадлежностью, общностью интересов, заменяется «текучей», временной социальностью, выражающей стремление индивидов, не жертвуя своей автономией, преодолеть взаимную отчужденность на основе поиска не общих ценностей, а общих событий и совместных чувств и устремлений в них.

Современность характеризуется изменением ритма времени и отсутствием привязанности к определенному месту. Изменяется ткань пространственного опыта, соединяя близость и удаленность. Здесь имеет место сложное отношение между привычностью и отчуждением. Уверенность в привычном, столь важная для чувства онтологической безопасности, соединяется с осознанием того, что всё комфортное и близкое является выражением отдалённых событий и, скорее, было «помещено в» локальную среду, чем формировалось органическим развитием внутри неё. Характерной чертой отсутствия привязанности к определенному месту является наше включение в глобализованные культурные и информационные потоки, приводящее к тому, что чувство привычности и нахождения в одном месте соединены сегодня намного менее тесно, чем прежде. Границы явного и тайного изменяются, т. к. многие формы деятельности, которые прежде не пересекались друг с другом, теперь совмещаются в одних публичных местах. Становление транснационального универсума дает возможность говорить о появлении новых смысловых граней в современном мировоззрении, которое ориентировано на формирование многополюсного сообщества культур и индивидов.

Профиль риска современности

Проблемы, связанные с изменением образа современного общества, явились основанием для появления новых факторов неопределенности и глобализации риска. Возникла актуальная потребность в определении меры безопасности, в необходимости выработки механизмов и технологий, адаптирующих человека к жизни в условиях неопределенности. Для этого понадобился нетрадиционный взгляд на модернизацию, выявляющий ее связь с риском.

Осуществление такого подхода связано прежде всего с именами У. Бека и Э. Гидденса, разработавшими теорию «общества риска» в рамках концепции модернизации, предлагаемой в качестве своеобразной альтернативы классическому марксизму. Общество риска – закономерный продукт развития индустриального общества, стадия модернизации общественной жизни, этап «рефлексивной модернизации» по Беку или «высокого модерна» по Гидденсу, формируемый в условиях глобализации. Таким образом, речь идет о переходе от этапа классического модерна к рефлексивной стадии модернизации и это, по Беку, – начало современности, преодолевающей прежние классические индустриальные очертания.

Обществу риска присущи определенные черты. Оно строится на фундаменте индустриального общества, организуясь вокруг производства многочисленных и не поддающихся контролю со стороны общественных институтов рисков. Бек показывает, что общество риска отмечено новыми неопределенностями и, как следствие, индивидуализмом и радикальными изменениями ключевых социальных институтов. Причина коренится в самой модернизации, в ходе которой преодолеваются одни противоречия и возникают новые. Современность представляет собой эпоху в развитии человечества, для которой характерно качественное увеличение неопределенности многих социальных реалий. Становятся очевидными проявления, связанные со случайностью, многовариантностью и альтернативностью [11, р. 167].

Под влиянием модернизации постоянно возрастает уровень риска, что требует от индивидов большей гибкости. Фаза риска в индустриальном обществе характеризуется эскалацией конфликта между наукой и политикой. Ранее угрозы исходили от внешних (природных) рисков. Сегодня же чрезвычайную актуальность приобретают риски, вызванные человеческим фактором (внутренние риски). Тем временем наука приобретает двойственный характер: давая возможность справиться с риском, она одновременно является его причиной. Общество риска – фактически новая парадигма общественного развития. Ее суть состоит в том, что господствовавшая в индустриальном обществе «позитивная» логика общественного производства, заключавшаяся в накоплении и распределении богатства, все более вытесняется «негативной» логикой производства и распространения рисков. Расширяющееся производство

рисков подрывает сам принцип рыночного хозяйства и частной собственности, поскольку систематически обесценивается и экспроприируется произведенное общественное богатство. Модернизация становится «политически рефлексивной», т. е. оказывающей влияние на политические институты и социальные процессы [9, р. 4]. Бек показывает, что производство и распределение богатства в индустриальном обществе сменяется производством и распределением риска в современном обществе риска. Сам риск можно трактовать «как систематическое взаимодействие общества с угрозами и опасностями, индуцируемыми и производимыми процессом модернизации как таковым. Риски, в отличие от опасностей прошлых эпох, являются следствием угрожающей силы модернизации и порождаемых ее чувств неуверенности и страха» [11, р. 21]. Концентрация рисков ведет к «эффекту бумеранга», т. е. к их универсализации и глобализации, разрушая классовые и национальные границы. Особенностью рисков современного общества становится их некалькулируемость и неосязаемость. Одновременно в современных обществах возникает признание существования риска широкой общественностью [12, р. 129].

Объективное существование риска обуславливают вероятностная сущность многих природных и социальных процессов, а также многовариантность отношений, в которые вступают субъекты данных процессов. Ситуации риска сопутствуют три условия: наличие неопределенности, необходимость выбора альтернативы и возможность оценить вероятностный исход выбираемых альтернатив. Социальные структуры становятся более мобильными по сравнению с предыдущим историческим этапом. Социальные агенты, в свою очередь, оказываются менее прикрепленными к социальной структуре [9, р. 2]. Результатом модернизации становится растущая индивидуализация социальных агентов, ведущая к увеличению индивидуализации механизма принятия решений – к росту ответственности за принятые решения. Происходит «радикализация рациональности».

Индивидуализация в обществе риска являет собой процесс, характеризующийся: освобождением от традиционных ограничений, накладываемых классовыми, семейными рамками, разочарованием, возникающим в результате потери традиционного общества и реинтеграцией, основывающейся на новых типах обязательств. В процессе индивидуализации оказываются задействованными объективные (жизненные ситуации) и субъективные (сознание, идентичность, персонализация) аспекты и, как результат, человек самоконструирует свою жизнь. При всех существенных изменениях уровней жизни, Бек отмечает, что классовая принадлежность уже не является более фактором расслоения, ответственность за осуществляемый сценарий собственной жизни перекладывается на самих индивидов. На смену разрушающейся классовой идентичности при сохранении высокого уровня межличностной конку-

ренции приходят альянсы, строящиеся на специфических основаниях, которые формируют идентификационные основания в детрадиционализирующейся культуре.

Глобализация в трактовке Гидденса проявляется в укреплении международных социальных связей: степень опасности и риска определенного региона отныне могут рассматриваться в глобальном контексте. Риски по большей части являются социально мотивированными и социально конструированными и происходят в силу крушения традиционных административных начал и базовой рациональности. Нарастает конфликт между наукой и политикой, а основная ответственность ложится на факторы социального порядка, в том числе и на процессы, связанные с принятием решений. Риск в современном обществе – это атрибут самого общества как политического организма. Э. Гидденс говорит о том, что риск создает свои среды, которые воздействуют на огромные массы индивидов. Безопасность в такой среде определяется как специфический набор минимизированных опасностей. Субъективное переживание безопасности в среде риска обычно держится на балансе между доверием и уровнем приемлемого риска. Анализ распределения риска деятельности при текущем состоянии дел и знаний составляет профиль риска, что создает рискогенную среду. Профили риска должны постоянно пересматриваться и дополняться. Профиль риска можно представить следующим образом:

- глобализация риска в смысле усиления интенсивности каких-либо процессов;
- глобализация риска в смысле распространения числа случайных событий, которые воздействуют на каждого/на большое количество людей;
- происхождение риска из социализированной среды;
- развитие институционально признанной рискогенной среды, затрагивающей интересы миллионов людей;
- признание существования риска: отсутствие знания о риске не может быть конвертировано в «определенность» религиозным или магическим знанием;
- знание о риске широко распределено;
- признание ограниченности экспертного знания ввиду невозможности предсказания возможных последствий [12, р. 124–126].

Рефлексивное осознание глобальных рисков дает осознание нестабильности постоянно меняющейся ход социальной жизни, рождая тем самым проблему сосуществования с постоянно присутствующими рисками [8, с. 37]. Хотя для современности характерно неоднозначное отношение к риску, неоспоримо то, что в современную эпоху абстрактные системы позволили добиться более высокого уровня безопасности по-

вседневности, чем в прошлом. В условиях современности наиболее характерное выражение доверия к абстрактным системам (а не конкретным людям) представлено в форме безличных обязательств, осуществляемых на расстоянии, основанных на вере в правильность принципов, в соответствии с которыми и построены абстрактные системы [12, р. 88]. В условиях, когда поступки и мотивы людей, действующих в рамках сложно структурированного общества, ускользают от нашего понимания, доверие к абстрактным возможностям выполняет функцию компенсаторного механизма, уменьшающего степень неопределенности в социальных транзакциях. Но при этом, обыденное знание современных сред риска ведет к признанию ограниченности экспертного знания. Эксперты часто скрывают истинную природу риска или даже его существование. Ситуация становится критической, если эксперты не в состоянии осознать и оценить степень рисков. Фактически, эксперты монополизируют право на определение объема риска и степени его вероятности. Однако как полагает У. Бек, в обществе риска научная монополия на рациональность разрушается. Не существует абсолютных авторитетов в сфере экспертного знания о рискогенных процессах и ситуациях. Противостояние научной и обыденной рациональности в обществе риска в итоге должно неизбежно привести к их объединению.

Преодоление рискогенных ситуаций, по мнению Бека и Гидденса, вполне возможно в контексте рефлексивной модернизации современного мира. Преодоление отрицательных аспектов риска Бек также видит в рефлексивности, включающей структурные изменения взаимодействия между социальной структурой и агентами модернизации, освобождение последних от принуждения и притеснений, дозволение им формировать процесс модернизации. Уделяя особое внимание новой современности, он выделяет три стадии социальных изменений: пред-современность, простая современность и рефлексивная современность.

Неизбежно возникающие в обществе опасность и риск, сводятся к минимальным значениям посредством рефлексивной организации, ключом к успешному функционированию которой, по мысли Гидденса, является доверие, прежде всего, исправно функционирующей системе, что позволяет людям обдуманно рисковать. Гидденс говорит о доверии системе и доверии индивидам, нуждающимся также в основаниях для доверия системе в отношении получения прибыли и в отношении способности экспертных и правительства снизить потенциальные риски. Этот зыбкий баланс Гидденс именуется онтологической безопасностью – «уверенностью людей в преемственности их самоидентификации и в постоянстве окружающего социального и материального мира, в котором они действуют». Риск же в данном подходе – это действие, предпринимаемое при осознании всех потенциальных угроз, связанных с той или иной специфической деятельностью. Этот процесс и называется Гидденсом «калькулируемым риском».

Современность, таким образом, может быть сравнима с неуправляемой, несущейся на огромной скорости колесницей. Будущее в этих условиях непредсказуемо. Гидденс видит четыре возможных типа реакций на эту ситуацию:

1. прагматическое принятие, выраженное в повседневном выживании при пессимистическом или оптимистическом восприятии действительности;
2. устойчивый оптимизм тех, кто верит в провидение, способное вывести из любой ситуации, невзирая ни на какие опасности;
3. циничный пессимизм ностальгирующих о прошлом, при этом будущее видится негативным;
4. радикальная вовлеченность готовых протестовать, мобилизуя себя и других с целью снижения, предотвращения или преодоления рисков [12, p. 250].

Доминанта или комбинация возможных реакций может меняться, усиливая или снижая уровень риска в обществе. При этом Гидденс, в отличие от Бека, считает снижение риска принципиально поддающимся управлению и зависящим от возможностей контроля над современностью. Минимизация риска и максимизация возможностей современности способны остановить «несущуюся колесницу».

Соотношение риска и рациональности – предмет специального анализа Н. Лумана. Понятие риска ставит под вопрос рациональную природу деятельности человека. На первый план выходит анализ последствий трех типов систем, производящих риски в современном обществе: естественных, технологических и социальных. Луман помещает случайность рискогенных действий на шкалу «настоящее – будущее». «С точки зрения настоящего будущее неопределенно, в то время как уже теперь точно известно, будущее настоящего будет определено с точки зрения его желательности или нежелательности. Только теперь еще нельзя сказать как именно. <...> С другой стороны, то, что может произойти в будущем, зависит от решения, которое следует принять в настоящем. Ибо о риске говорят только в тех случаях, когда может быть принято решение, без которого не возникло бы ущерба» [14, с. 10]. Из данной концепции выводятся два положения:

1. Риск возникает из множества контингенций (случайно). Никто в действительности не сможет полностью измерить риск. «Но тогда какой же смысл в теориях риска, понятия которого связаны с количественной калькуляцией? Может быть, все дело только в том, чтобы задать (как в некоторых теориях морали) какой-то идеал, позволяющий увидеть своё (к счастью, и других людей тоже) несоответствие требованиям [рациональности]» [14, с. 10].

2. Проблема риска возникает в результате решения. Луман полагает, что важно увидеть в этом случае социальную сторону: не сводится

ли проблема риска к психологическим контекстам принятия решений? Луман предлагает реализовать «строго социологический подход, состоящий в постижении феномена риска лишь соответственно смыслу коммуникаций – включая, конечно, и сообщения в коммуникации об индивидуально принятых решениях» [14, с. 13].

Роль рациональности состоит в том, чтобы научиться избегать ошибок, тогда риск принимает формальное выражение в виде вероятности. Иными словами, речь идет о контролируемом расширении области рационального действия. Сама проблематизация социального действия как по сути рискогенного дает шанс избежать серьезных потерь. По мнению Лумана: «Отказ от риска, в особенности в современных условиях, означал бы отказ от рациональности... Но если намереваешься смотреть, как наблюдает рационалистическая традиция, тогда необходимо оторваться от свойственного ей понимания проблемы. Надо оставить ей проблемы, но при этом все-таки понимать, что она не может видеть то, чего она не может видеть» [14, с. 23]. Сам Н. Луман скептически относится к оцениванию риска: «Калькуляция риска – это явно противоположная, светская ситуация: программа минимизации раскаяния». И здесь Луман говорит о рефлексии, функция которого состоит в том, чтобы прояснить контингенцию обстоятельств, подпадающих под понятие риска. В случае риск-надежность это показывают проблемы измерения; в случае риск-опасность – то, что только применительно к риску определенную роль играет решение [14, с. 31]. Риск является обратной стороной нормальной формы, и только при обращении к обратной стороне нормальной формы мы и можем «распознать ее как форму». Полемизуя с представлениями Хабермаса об идеальной коммуникативной ситуации, снимающей риск, Луман полагает, что выбор между альтернативами сам по себе является рисковым. Он видит в проблеме риска политический аспект. Любая оценка риска была и остается контекстуально обусловленной.

Таким образом, различные варианты теоретического рассмотрения современности солидарны в понимании ее как среды глобального риска, который ставит проблему рационального выбора перед локально действующим субъектом. Изменившаяся онтология социального мира делает риски постоянно умножающимися. Минимизация рисков посредством рефлексивных усилий субъекта, конечно же, не снимает окончательно неопределенность при рационализации такового. В условиях радикально контингентной реальности и возможности глобального влияния события в локальной ситуации, риски снимаются инструментально рефлексивным усилием «здесь и теперь», но можно согласиться с тем, что сам способ их устранения и рациональные рамки такового творят новые рискогенные возможности. При обсуждении этой проблемы остается еще и проблема ценностной рациональности коммуникативных практик, ресурсов ее формирования, укорененности в мире по-

вседневности и сочетания с целерациональным действием, которое снимает риски. Ценностно-смысловой компонент человеческого опыта должен входить в поле рациональности, воздействующей на трансформацию социальной жизни.

Новый вектор коммуникативной рациональности

Говоря о современном обществе и условиях, в которых оно функционирует и развивается, нельзя не сказать о критической традиции переосмысления понятия рациональности как разумной силы, способствующей гуманизации человеческих отношений. Формальная рациональность и целерациональное действие, обеспечивающие успешную экономическую деятельность, были спроецированы на все области культуры, что привело к негативным последствиям бюрократизации, ярко выраженным в повседневной жизни и в сфере личностных проявлений и коммуникации. Ю. Хабермас, предложивший весьма продуктивную версию этого процесса, отмечает, что бюрократизация выступает ключевым феноменом для понимания современного общества, с характерным для него новым типом организации, посредством которого методы хозяйственного производства и показатели его эффективности были скалькированы и упрочены в областях, требующих иных квалификационных параметров оценки.

Немецкий философ рассматривает проблематику рациональности в социальных понятиях и категориях, обращая при этом к личности, системе личностных связей, коммуникативному действию. Согласно этому, рациональной может быть личность с трезвым взглядом на мир, способная к саморефлексии, природные потребности которой контролируются разумом. Усилия Хабермаса были направлены на поиски новой рациональности в сфере интеракции. По его мнению, кризис мотиваций нельзя объяснить только лишь конфликтами в сфере производства и приоритетом материальных интересов. Он был вызван тем, что односторонняя, ориентированная на критерии экономической и административной рациональности модернизация проникла в те жизненные сферы, которые связаны с задачами культурной преемственности, социальной интеграции и воспитания и поэтому опираются на критерии коммуникативной рациональности. Хабермас призывает к критическому самосознанию индивида, говорит о новых условиях и роли человека в современном мире и предлагает объединить познание и эмансипационный интерес в его гуманистическом понимании для исследования перспектив более удачной, истинной жизни при помощи герменевтики, саморефлексии и психоанализа. Коммуникативная рациональность выступает той «новой» рациональностью, которая должна придти на смену «старой», являясь достоянием субъектов, вступающих в интересубъективное взаимодействие, создающих мыслительное и ценностно-нормативное поле, в границах которого вызревают проблемы, дающие

новый импульс эволюции общества. Именно этим Хабермас преимущественно отличается от радикальных постмодернистов, заявляющих о мозаичности дискурсивных пространств и невозможности привести их к какому-либо единому знаменателю на основе взаимоприемлемых для участников коммуникации рациональных стандартов.

Хабермас считает, что процесс генерации культурных смыслов осуществляется наиболее полно в ходе свободных дискуссий и посредством усвоения разного рода текстов как определенных феноменов культуры. Рациональность дискурса обнаруживается в критической рефлексии, в способности к доказательному обоснованию, адекватному практическому дискурсу. На смену принудительному конформизму должны прийти неискаженные, свободные, естественные коммуникации, действующие вне институциональной сферы и независимые от воздействий господствующего аппарата, что станет начальным шагом на пути к гуманистическому реформированию общества, возрождению нравственных ценностей, воспроизводству культурных традиций, устранению неадекватности правовых норм существующей практике и пр. Главная отличительная черта дискурса коммуникативной рациональности лежит в осуществлении процесса выработки целостных культурных смыслов, служащих духовными ориентирами в развитии человека и общества, а также в поиске оптимально эффективных средств их практического осуществления. Взаимодействие индивидов в процессе коммуникации создает возможность консенсуса – согласия между ними, что чрезвычайно важно для конституирования и развития общественных систем.

Коммуникация, по Хабермасу, связана с рационализацией жизненного мира, изначально присутствующим в коммуникации как наделенная значением реальность, данность, запечатленная в языке. Коммуникативное действие должно обеспечить взаимопонимание, передачу и обновление культурного знания, способствовать общественной интеграции, установлению солидарности и достижению личностной идентичности. Таким образом, культурное воспроизводство, социальная интеграция и социализация ведут к постоянному поддержанию и задают возможность расширения жизненного мира. «Рационализация жизненного мира означает одновременно дифференциацию и компрессию – компрессию текстуальных хитросплетений из нитей intersubъективных отношений, связывающих воедино одновременно все более дифференцирующиеся компоненты культуры, общества и личности» [7, с. 356]. Разум в его теоретической и практической вариации вторгается в границы жизненного мира, беря из него ресурсы социальной и системной интеграции и воздействия на внешний мир, расширяя возможности инструментального действия и производительные силы общества. Таким путем идет воспроизводство и движение общества вперед. Хабермас рассматривает эволюцию общества в перспективе непрерывной рационали-

зации жизненного мира посредством коммуникативной деятельности, в процессе которой появляются возможности осмысления истоков кризисных явлений, разрушающих идентичность социальной системы и препятствующих ее управлению. Рациональное рассмотрение и обсуждение социальных проблем в состоянии обеспечивать определенный баланс между системой и жизненным миром. Коммуникативное действие формирует институциональные и ценностные основания субъект-субъектных связей, обеспечивает стратегическое и инструментальное действие, закладывая возможности для системной и социальной интеграции.

Герменевтическая установка, по Хабермасу, способствует и осознанию в новом ключе функций практического разума. Критико-рефлексивное осмысление его задач позволяет понять взаимосвязь целерационального действия, этики, нравственности и морали в жизни человеческого сообщества. Человек как рациональное существо стремится к достижению практических целей, обретает средства их достижения. Одновременно индивид стремится к благу, выстраивая линию своей жизни как целостности: «...целью прагматического, этического и морального употребления практического разума являются соответственно технические и стратегические указания к действию, рекомендации к решающему жизненному выбору и моральные суждения» [6, с. 15]. Эти виды ориентированного разумом действия обнаруживаются в среде непосредственной данности жизненного мира скооперированных в определенные общности людей. Хабермас считает, что в основе воспроизводства и трансформации общества лежит коммуникативное обсуждение и разрешение встающих перед ним проблем и постоянный процесс научения индивидов, объединенных в коммуникативное сообщество. Критико-рациональная активность оказывается, таким образом, главным конституирующим элементом любого нормально эволюционирующего человеческого сообщества.

Посткапитализм, как замечает Хабермас, не устраняет базисных противоречий, существующих на фазе либерального развития, но смягчает их через вновь появившееся на арене истории главенство политического измерения общественной жизни. Одновременно присущая ему автономия рациональной политики, направляющей экономическое и социально-культурное развитие, ставит вопрос о ее легитимности. Источником легитимности может в этой ситуации быть только демократический выбор граждан. Управленческие решения, снимающие кризисные ситуации общества, должны обрести поддержку со стороны жизненного мира путем легитимации. Легитимация же управленческих решений сама зависит от возможностей жизненного мира, дающего опору рациональному обсуждению их результатов. Хабермас приходит к выводу, что процесс глобализации заставляет иначе взглянуть на эту перспективу и что именно рациональность – основание выхода из кризиса, обретения баланса управленческой системы и жизненного мира.

Культура «высокого риска» составляет среду жизненного выбора современного человека. Созидая социальный мир и себя, индивид неминуемо сталкивается с проблемой интерпретации рискованных ситуаций. Снятие риска в таком варианте оказывается одновременно моментом личностного становления. Экстериоризация рациональных схем мысли и действия, формирующих социальную реальность, сопровождается интериоризацией познавательного и ценностно-смыслового опыта, аккумулированного в коммуникативных практиках. Ценностно-смысловые ориентиры призваны направлять инструментальное и стратегическое действие, процесс социальной и системной интеграции. Их создание сопряжено с осознанием проблемного поля ситуаций риска, их герменевтическим прочтением.

Список литературы

1. Бауман З. Текучая современность. СПб., 2008.
2. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального. Екатеринбург, 2000.
3. Гидденс Э. Последствия модерности // Новая индустриальная волна на Западе. М., 1999.
4. Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / пер. с англ. М., 2004.
5. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М., 1998.
6. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М., 1992.
7. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М., 2003.
8. Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996.
9. Beck U. Die Erfindung des Politischen. Frankfurt am Main, 1993.
10. Beck U. Now modern in modern society // Theory, culture and society. L., 1992. Vol. 9, N 2.
11. Beck U. Risk Society. Toward a New Modernity. London, 1992.
12. Giddens A. The Consequences of Modernity. Stanford, 1990.
13. Baudrillard J. Simulacra and Simulations» // Selected Writings, Mark Poster, ed. Stanford, 1988.
14. Luhmann N. Soziologie des Risikos. Berlin; New-York, 1991.

«HIGH RISK» CULTURE AS A CONTEXT OF THE CONTEMPORARY SELF EXISTENCE

C.V. Anoufriyeva

Tver State University, Tver

Modernity has created the forms of life that exceed most of the typical social changes and radically differ from the well-known traditional types of social order. They have led to the establishment of social communication forms covering the whole world and changed the most intimate personal characteristics

of our daily existence. Having an incredible destructive power and an unprecedented dynamism, modernity and globalization are leading to the far-reaching changes in our life.

Keywords: *modernity, globalization, risk society, modernization, rationality, hyper-reality, symbolic exchange, liquid modernity, communicative rationality, reflexive modernization.*

Об авторе:

АНУФРИЕВА Карина Викторовна – аспирантка кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет», e-mail: carina-oops@mail.ru

ANOUFRIYEVA Carina Victorovna is a Ph.D. student of the Department of Philosophy and Culture Theory, Tver State University, e-mail: carina-oops@mail.ru